

Сергей Кубрин

Сергей Кубрин

ДУРАКИ С РЫБАЦКОЙ

Рассказы

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К88

Художественное оформление — *Елизавета Корсакова*

В оформлении книги использована
картина Владимира Любарова «Переулок» (2005)

Кубрин, Сергей Дмитриевич.

К88 Дураки с Рыбацкой : рассказы / Сергей Кубрин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 248, [8] с. — (Классное чтение).

ISBN 978-5-17-180337-7

Сергей Кубрин — писатель, автор книги «Виноватых бьют», победитель премии «Лицей».

Шукшинские «чудики», персонажи, будто сошедшие с картин Владимира Любарова, — таковы они, герои новой книги Кубрина, обитатели улицы Рыбацкой. Искренние, бесхитростно добрые и чуть наивные, порой — смешные, всегда — с душой нараспашку. Они верят в чудо и ищут счастье, живут самую обычную повседневную жизнь русской провинциальной улочки — но постоянно попадают в удивительные, сказочные, необычайные истории и ситуации.

...И любовь — сбывается, и счастье — находится, и чудеса — случаются. А как иначе? Это же Рыбацкая, тут возможно — всё, даже самое невероятное.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-180337-7

© Кубрин С.Д.
© ООО «Издательство АСТ»

«Дорогая Тамара Александровна, <...>
Очень соскучились мы без Вас. <...>.
Леонид Савельевич написал у себя под кроватью
карандашом по обоям:
“Тамара А.К.Н.” А Олейников назвал
своего сына Тамарой.
А Александр Иванович всех своих знакомых
зовет Тамася.
А Валентина Ефимовна написала Барскому
письмо и подписалась “Т”».

*(Даниил Хармс. Из письма Тамаре Мейер,
17 июля 1931 года)*

Настоящий детектив

Человек я ответственный, а гражданин — порядочный.

Любой другой бы сообщил, не задумался. Вообще-то я ещё немного трусливый, хоть мне уже тридцатник. Но страх — он тоже растёт с годами. Как, например, живот, или там обязательства перед банком.

Тётенька на остановке рассказала, что на Рыбачкой появился маньяк. Она держала за руку ребёнка, тот пытался ускользнуть; и я сам думал бежать куда-нибудь подальше. Так-то я понимал, что маньяку до меня нет никакого дела, но всё равно немного — того. Мало ли, может быть, это какой-то особенный маньяк, со специфическим, так сказать, уклоном.

Потом в магазине подтвердила очередь, что да — появился, и Ольга Петровна, главная по подь-

езду, пояснила за слова. Типа гастролёр и типа уж очень опасный, и надо ходить и оборачиваться — мало ли.

Я людям доверяю, особенно простым, поэтому ходил и оборачивался, и в каждом прохожем — пытался различить.

Там и полиция масла в огонь добавила. Так и так, сказали: за поимку особо опасного преступника — триста тысяч рублей. Настоящих русских денег.

Само собой, я решил заработать. Страх бедности — сильнее любого страха.

По субботам я ходил к Николаичу. Иногда Николаич захаживал ко мне. Можно было и чаще, но во вторник я сидел с Валентинычем, а в четверг со Степанычем. В остальные дни я работал, и некогда было пить.

В субботу мы пили водку, а по вторникам и четвергам — пиво. Я принёс Николаичу бутылку, Николаич достал рюмки, но я сказал, что больше не пью.

— Хрена се! — не понял Николаич.

Я рассказал про маньяка. Признался, что нужны деньги.

Николаич выпил и снова налил. Посидел, помолчал и вновь опрокинул.

— Триста? — спросил он.

— Триста! — кивнул.

Мы решили искать маньяка вместе.

В воскресенье пошли на утреннюю службу. Николаич сказал, что любое дело надо начинать с ис-

поведи. Я в церковь не особо часто, а Николаич вообще впервые. Но куда деваться — триста тысяч на дороге не валяются.

Я признался в алчности и трусости. Хотел про пьянство добавить, но пить-то я бросил. Николаич тоже в чём-то признавался. Мне показалось, что чуть дольше и больше, чем я. Хотел спросить, да не стал. И так понятно, что Николаич грешник. Жизнь у него — на троечку.

На работе я взял отпуск за свой счёт, а Николаич отпуск никакой не брал, потому что не работал.

Весь понедельник мы провели в засаде — в крытом шатре на центральной улице. Решили торжественно обмыть начало, но потом передумали. Взяли кофе с шоколадками и сидели, как два ненормальных, под весенними лучами, высматривая не пойми кого.

— Бог тоже Землю не сразу! — отметил Николаич.

Я удивился, откуда он так много про Бога. И кивнул значительно.

Во вторник мы пошли к Валентинычу. Николаич Валентиныча знать не знал, но когда Валентиныч показал Николаичу полторашку, они сразу подружились.

Валентиныч выпил залпом, закусил полосатиком. Николаич тоже хотел, но поднёс стакан — и поставил обратно. Стакан пластиковый, и Николаич не железный, но всё равно справился. Все

великие дела, сказал, лишь на трезвую голову совершаются.

Валентиныч в маньяков не верил; как и в Бога, в принципе. Только пиву доверял и лёгкому похмелю, и говорил, что жизнь без градуса — не жизнь.

Я сказал, что триста тысяч.

— На троих — по сто, — заметил Николаич.

Я задумался. Валентиныч тоже. Он выпил ещё, а полосатика выбросил.

Мы решили искать маньяка вместе.

По средам в городской сквер приезжали фермеры. Они продавали рыбу, овощи и мясо. Мы пошли на ярмарку, потому что надо было куда-то идти.

Валентиныч сказал, что маньяк, скорее всего, худой и высокий. И, наверное, носит очки. Николаич решил, что маньяки ничем не выделяются, и кивнул на какого-то фермера: мол, запросто вообще.

Мы стояли и смотрели на этого фермера. Тот предлагал нам овощи и мясо. Я взял говядину, а Николаич — свинину. Валентиныч ничего не взял. Фермер оказался хорошим человеком: сделал скидку. А хорошие люди маньяками быть не могут.

Вечером жарили мясо. Валентиныч варил компот из лежалых яблок. Он сказал, что по запаху — не свинина, что на глаз — не говядина, а по образу и подобию — самый настоящий человек.

Николаич не решился, Валентиныч не притронулся. Я выбросил, не попробовав. Прямо со сковородой.

В четверг мы пошли к Степанычу.

Степаныч долго не открывал, а потом открыл и не хотел нас пускать, а потом пустил, но при одном условии: что больше — ни грамма, что надо заканчивать, что жить так больше нельзя.

Николаич поддержал, и Валентиныч согласился. Они Степаныча никогда раньше не видели, но Степаныч отметил сразу: люди наверняка порядочные, раз бросили пить. Я тоже признался, что завязал, и сообщил, что есть вариант заработать.

Степаныч сказал, что сам уже ищет, что — вышел на след, и вот-вот получится.

Не смогли посчитать, сколько выйдет на четверых. Триста тысяч — не так уж много, но больше, чем ничего.

В одиночку — выгодно, а с людьми — проще.

Мы решили искать маньяка вместе.

В пятницу приехал цирк. Степаныч сказал, что смотрел кино про клоуна-убийцу.

Билеты кончились. Пытались договориться в кассе, но ответили — нет.

Ходили вокруг шатра, смотрели на воздушные шарик. Валентиныч купил эскимо, а Николаич — сахарную вату, каждому по две. Дети кричали, мамочки смотрели в оба. Никто не видел, никто не находил.

Потом Степаныч сказал: пошли; и мы пошли. И увидели клоуна, сидящего на бордюре и курившего, как не в себя. Клоун тоже нас увидел — и первым спросил, чего мы хотим.

— Ты клоун? — рискнул Николаич.

Клоун ему не ответил.

— Или ты не клоун? — пошёл с козырей Валентиныч.

И клоун снова промолчал.

Степаныч не медлил: шагнул осторожно и лёгким касанием рук взял да и снял с бедного клоуна большой его клоунский нос. Клоун докурил, а потом сказал:

— Спасибо.

И сам же скинул ещё цветастый парик, и прошёлся по нему с удовольствием.

— Не клоун! — бросил вдогонку Степаныч.

Стояли, смотрели — не знали, что дальше. Забыли спросить: не маньяк ли? Ещё посмотрели, ещё подышали. День прошёл, и все разошлись.

В субботу я пришёл к Николаичу. Он спросил, почему без водки. Я напомнил про великие дела, про трезвую голову, про то, что кончились деньги. Николаич не дослушал, метнулся куда-то — и принёс прозрачный графин, наполненный до краёв.

Пили по очереди. Следили, чтобы каждый и чтобы до конца.

Закуски нет, и жизнь такая.

На последней рюмке Николаич признался, что маньяк — это он.

— А вы не догадались.

Он выпил и повторил:

— Я и есть маньяк.

Я всегда уважал Николаича, поэтому не стал смеяться. Лишь кивнул и произнёс: «Да, да».

Тогда Николаич открыл кухонный шкаф и достал стеклянные банки, а из холодильника пластиковые контейнеры достал. Я спросил: ну и что? Николаич ответил: тушёнка.

— Из людей.

Николаич напомнил про триста тысяч, и сказал мне идти в милицию и сдавать его с потрохами. Жизнь — одна, и денег — мало. Ну, хоть поживёшь.

Я пожал его добрую руку и пошёл домой. Ноги ватные, голова шальная.

Меня встретила Ольга Петровна, главная по подъезду, и спросила, не слышно ли чего про маньяка. Я обманул Ольгу Петровну, точнее, промолчал. Ходил по комнате, смотрел телевизор, включал-выключал свет.

...Вечером я стоял в милиции, писал заявление.

Дежурный прочитал внимательно, дал другому. Другой что-то спрашивал, я что-то отвечал. Потом пришёл третий — и сказал, что маньяка уже нашли и закрыли, и что никакой это не Николаич, а вот кто — служебная тайна, идите с миром, уважаемый гражданин.

ДУРАКИ С РЫБАЦКОЙ

Я вернулся к Николаичу. С миром и правдой.
Тот спросил:

— Хоть сколько-нибудь дали?

Ответил, что ни рубля.

В воскресенье я пошёл в церковь.

Римма Ивановна

Римма Ивановна обратилась ко мне с деликатной просьбой. Жизнь проходит, сказала, а детей до сих пор нет.

— Как ты смотришь на то, чтобы?

Я не мог отказать Римме Ивановне — Римма Ивановна дважды помогла мне с деньгами. И один раз вытащила из милиции.

Предложил понедельник. Или, на крайняк, четверг.

— Давай в понедельник, — торопилась Римма Ивановна.

Я согласился.

Римму Ивановну можно понять.

Во-первых, я красивый. У нас недавно юбилей организации был, так начальник меня в первый ряд поставил.